

Нехана

ВАИСМАН

"О ДУШУ ЗАЖИГАЕТСЯ ДУША..."

Очерк
о творчестве
поэтессы

Светланы
Борзуновой

Имя Светланы Аркадьевны Борзуновой - лауреата Амурской премии в области литературы и искусства (1997), члена Союза писателей России (1994) - уже прочно вошло в сознание амурчан, хоть родилась она в Сибири, в Томске (20 ноября 1951 г.). У нас в Благовещенске живет с 1986 года.

Талантливая журналистка, создавшая галерею ярких портретных зарисовок наших земляков, она близко к сердцу принимает человеческие судьбы и, откликаясь на чужую боль, помогает разрешать многие проблемы нелегкой нынешней жизни.

Ее хорошо знают все любители поэзии. За быстро мелькающими буднями она продолжает видеть необъятную глубину неба, сияние звезд, красоту амурских далей; заглядывает в потаенные уголки сердца.

Как же все это начиналось? Что побудило ее к творчеству?

Нелегким и негладким был этот путь. Уже раннее детство омрачено было тенью одиночества при живых родителях. Мать Тамара Порфирьевна Новикова - тогда преподаватель Томского университета - увлеченно работала над диссертацией; Аркадия Викторовича Ильницкого, оставившего семью, мало волновала судьба дочери.

Девятимесячную девочку бабушка увезла на родину предков в алтайский городок Бийск. Глубоко набожная, постоянно принимавшая в доме одетых во все черное монашек, она водила девочку в церковь, читала ей Евангелие. Рано задумалась Светлана о причинах человеческих страданий, о человеческом грехе. Впрочем, школа вскоре избавит ее от этих печальных мыслей, надолго отодвинет в прошлое интерес к религии. Но бабушкины уроки не забудутся никогда: библейские мотивы пронизывают многие ее стихи.

Никогда не уйдет из сознания образ самого близкого человека - любимой бабушки: "мне лучше новой согревает плечи полуседающая бабушкина шаль", в которой та читала девочке вслух романы Дюма, Мельникова-Печерского, Гюго, другие книги. Под их влиянием Светлана проникалась духом недетского романтизма, воображая себя героиней исторических повествований.

Первые стихи родились во втором классе, они были посвящены осени. Образование свое Светлана продолжила в немецкой спецшколе в Томске.

Так вошла в ее сердце поэзия Гейне, Гете, Шиллера.

Детская пейзажная лирика сменялась шуточными стихами, затем лирическими, вызванными к жизни первой любовью.

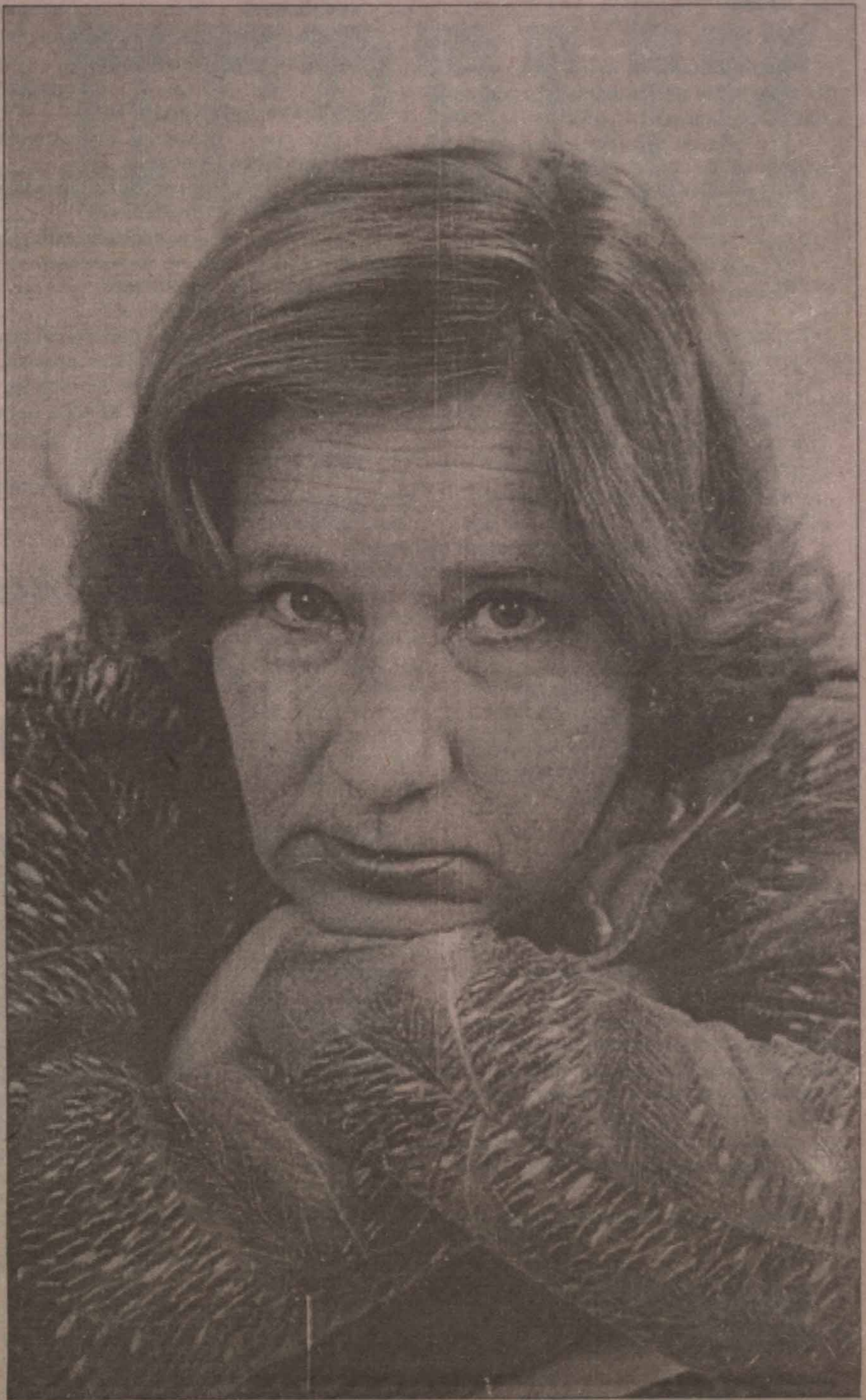
О стезе поэта не думалось тогда, но интерес к музыке слов не угасал. И это сказалось в выборе факультета вуза. В 1969 году поступает на филологический. Печатаются в многотиражке родного Томского университета, затем в областной молодежке.

В общественной редакции студенты работали наравне с профессорами и открыто говорили об истории страны, культе личности, коллективизации и многом другом, о чем подавляющее большинство молчало. В клубе самодеятельной песни слушали выступления Галича, Высоцкого, Кукина, Визбора. Начали в те годы издавать вновь Есенина, вынули из запасников Ахматову, Цветаеву; ходил по рукам самиздат, с опаской читали по вечерам "Мастера и Маргариту" Булгакова. Светлана вспоминает сейчас: "Была прекрасная полугодная, но еще свободная эпоха - остаток хрущевской оттепели в провинции".

О прошлом забыть невозможно... Светлана вышла замуж за дипломника радиотехнического факультета, спелеолога Николая Борзунова, родила двух сыновей. Дом, в котором жила молодая семья, находился неподалеку от тюрьмы, где среди узников некогда сидела и жена Бухарина, а дети, играя с соседскими мальчишками в овраге, откапывали черепа и кости расстрелянных в 30-е годы "врагов народа". Демократизм Светланы был выстрадан всем ее детством и временем.

80-е годы вспоминаются поэтессе атмосферой продажности и лжи, ощущаемой и на московских совещаниях и литературных семинарах молодых поэтов, где "в кулуарах говорили одно, а с трибун - другое". Жгли книги. Был сожжен сборник фантастики "Великий Краббен", среди авторов которого был и наш земляк, второй муж Светланы прозаик Николай Курочкин. А самой поэтессе отказали в издании стихов о любви ("партии и народу нужны другие стихи, патриотические), исключением стало стихотворение о нефтяниках Васюганья.

1986 год - год переезда в Благовещенск - плодотворно сказался на творческой деятельности Борзуновой. Начала работать в "Амурском комсомольце", затем в пресс-центре облсовпрофа, далее в "Амурской правде". Полтора года руководила областным литобъединением.

Постепенно начала ощущать себя "частью этого города, а не незваной гостьей". Развернулся во всю ширь ее лирический талант. В кассете "Радуга" выходит подборка стихов "Нелетная погода", затем первая персональная книга "Яблоки райского сада" (1991), за ней вторая "Пока еще люблю" (1997) и в том же году совместный буклет с художником Николаем Савченко "Там, где Зяя с Амуром сплелись меж собой". Многие из ее стихов, положенных на музыку самодеятельным композитором - врачом Сергеем Зражевским, с успехом звучат на радио, на филармонических концертах, вечерах творческой интеллигенции. Невзирая на трудности времени, утраты и хвори, жизнь и творчество поэтессы продолжают.

Поэзия Борзуновой менее всего описательна. Она не стремится к воссозданию внешней канвы событий. Пишет о внутренней жизни, раскрывая нам свою душу. В беседе с автором этого очерка поведала: "Даже в самые развеселые студенческие годы я была поглощена внутренними переживаниями. В каждом моем стихотворении спрессовано какое-то мгновение жизни, переживание, мысль, настроение... Теперь это не праздник, а часть жизни. Когда не пишешь, подолгу, пугаюсь до сих пор - вдруг дар ушел? Слишком много знаю примеров, когда дар оставлял людей, купившихся на комфорт. На деньги, на благополучие, на карьеру. Стараюсь не продаваться за благо. Вечно была нищей. Может, не стоило".

Она все замечает, остро ощущает биение пульса времени, биение человеческих сердец. Неотделима от эпохи.

Не время и не место для любви...
(Зато всегда для ненависти
время).

Но ты поверь, осмелюсь, позови
и, отклик слыша, выдели
меж всеми.
Услышь за митинговой толчей,
в автобусной непроходимой
давке,
в толпе, остервеневшей
у прилавка,
услышь, поверь в тишайший
голос мой.
А следом мир, измученный
и злой,
на голос вечных истин обернется.
Любовью человечество
спасется,
а вместе с ним, возможно,
мы с тобой.

В этом программном стихотворении сборника "Яблоки райского сада" она вместила все: и время, и голос вечных истин, и любовь, как якорь спасения человечества. Любовь к миру, к любимому, к природе, к детям.

Тема любви - сквозная в ее поэзии. Рано начала о ней мечтать, но не раз "обжигалась на ее кострах". Хотела "нормального женского счастья" - не получилось. Все неистраченные силы любви выпились в стихах. Ее любовная лирика напоминает безответные диалоги. Таковы стихи, ставшие песней "Ну что же, здравствуй, хватит прятать взгляд...". "Слышишь?..", "Скажешь: люблю...". "Конечно, я придумала тебя..." и многие другие, написанные разными стихотворными размерами, но единые в одном - все они лирическая исповедь поэтессы. Не проклинает она возлюбленного, она скорбит и печалится, но ненависти нет в ее признаниях: "Чем я сумею тебе отплатить?.. Я одарю тебя памятью боли".

Я опять невпопад.
И любовь моя так неуместна.
Как забытое яблоко
в зимнем промерзшем саду...
Я немедля уйду.

Исповедь поэтессы - рассказ о безответной любви, трогательной каждого. Слова, обращенные к любимому, обнажают трагизм одинокой души.

...Окликну тебя.
...Почувствуешь сердцем:
любовь наша птицей подраненной,
спасая себя,
изнурительно бьется в тиши.

Большинство стихотворений лишены натурализма: любовь и душа в них - неразрывны. Душа бессмертна, не может погибнуть и любовь...

Любовь не проходит.
С годами становится светом,
дорожкой лунной
на быстротекущей реке.

Тема любви пронизывает и второй сборник, не случайно названный "Пока еще люблю". Но рубеж веков диктует иные интонации:

И - ненависть в крови - итог
тысячелетья.
Век входит в души к нам,
как нечестивец в храм.
Промотано дотла богатое
наследье.
Смятение теней и плесень
по углам.
О вере и любви не вспоминайте
всуге.
Каменьями побьют рискнувшего
сказать.
Презрение и смех - ответ
на поцелуи.
Кровавой пеленой застелены
глаза.
Безумен этот мир. Безумна
и сама я -
тянуться за теплом к сгоревшему
углю.
Пока еще люблю. Уже
не понимаю.
Пока еще люблю, пока еще
люблю...

Преодолевая гамлетовское "быть или не быть", ведя диалог сама с собой, поэтесса все-таки славит жизнь и любовь: "Счастья не будет, но бьется и теплится жизнь".

Образы природы помогают поэтессе глубоко раскрыть свой внутренний мир. Ее лирическая героиня сама становится частью природы: "Тебя любить, с тобою быть, травую донною стелиться..."

Ну о чем говорить?
Все равно наша осень не выживет.
Костровища остынут,
и саваном лягут снега,
но морозы ударят,
и девочка выбежит с лыжами,
чтоб по нашим тропинкам
своими путями шагать.

Пейзажи Борзуновой философичны, в них утверждается идея бессмертия природы, ее вечного обновления, а с нею и любви. Немало стихов поэтессы посвящено красоте амурских далей, особенно в удивительно чарующем сочетании живописи и поэзии буклете Светланы Борзуновой и Николая Савченко "Там, где Зоя с Амуром сплелись меж собой". Сбереечь эту землю, ее красоту, сберечь все живое - слышится во многих пейзажных миниатюрах Светланы.

Лед весенний тонок, тонок,
тонок...
И на самом краешке беды
маленький доверчивый лосенок
отпечатал четкие следы.

Она скорбит об участи дикой природы: "Мы строим путь сквозь звезды и века... Но после нас цветы не вырастают...". Ее волнуют многие проблемы нашего трудного бытия и, благодаря метафоричности своего поэтического языка, она добивается и чита-

тельского глубокого сопереживания. Язык поэтессы изобилует яркими изобразительными средствами. Выразительны и неожиданны многие ее художественные тропы: "зеленый листок надежды над омутом плывет", "заплаканная ночь", "ледяные пощечины снегопада", "стянуло сердечную рану коростой непролитых слез", "счастья старенький учебник судьба листала для меня" и другие.

Поэтесса любит и хорошо ощущает вечную свежесть фольклорных песен. Их напевность и образность нередко слышатся в ее стихах: "Ах, пути мои, дороженьки окольные...". Мы ощущаем в них и близкие народной песне есенинские напевы: "Это ветер пробирается по крышам..."

Филологическое образование дает себя знать в образных реминисценциях из любимых авторов - Лермонтова, Гейне, Блока, Ибсена, Шекспира, Ахматовой, лирике которых она еще в студенческие годы посвятила свое дипломную работу. Мифологические аллюзии слышатся в стихах об Орфее, меднорукой Астарте, Сизифе. Однако поэтесса творчески перерабатывает эти мотивы, применяя к своему времени и к своим душевным переживаниям. Всегда стремится приблизить стих к живой разговорной речи:

Должно быть, устала ловить
на лету:
все больше с годами люблю
простоту,
естественность жеста, и слов,
и идей.
какое блаженство -
довериться ей.

Личность героини неотделима от современности, в какую бы даль времени - мифологическую или библейскую - не устремлялась мысль поэтессы: "Умирают нашей юности кумиры... Виновных нет. И судьи ни к чему: Мы пожинаем то, что сами сеем...". "Зачем ты мечешься в сетях, самим сплетенным из ненужных, пустых, несущественных, наружных идей, итог которых - прах?", "Все длится, длится ночь моей страны, и нет конца и края этой ночи..."

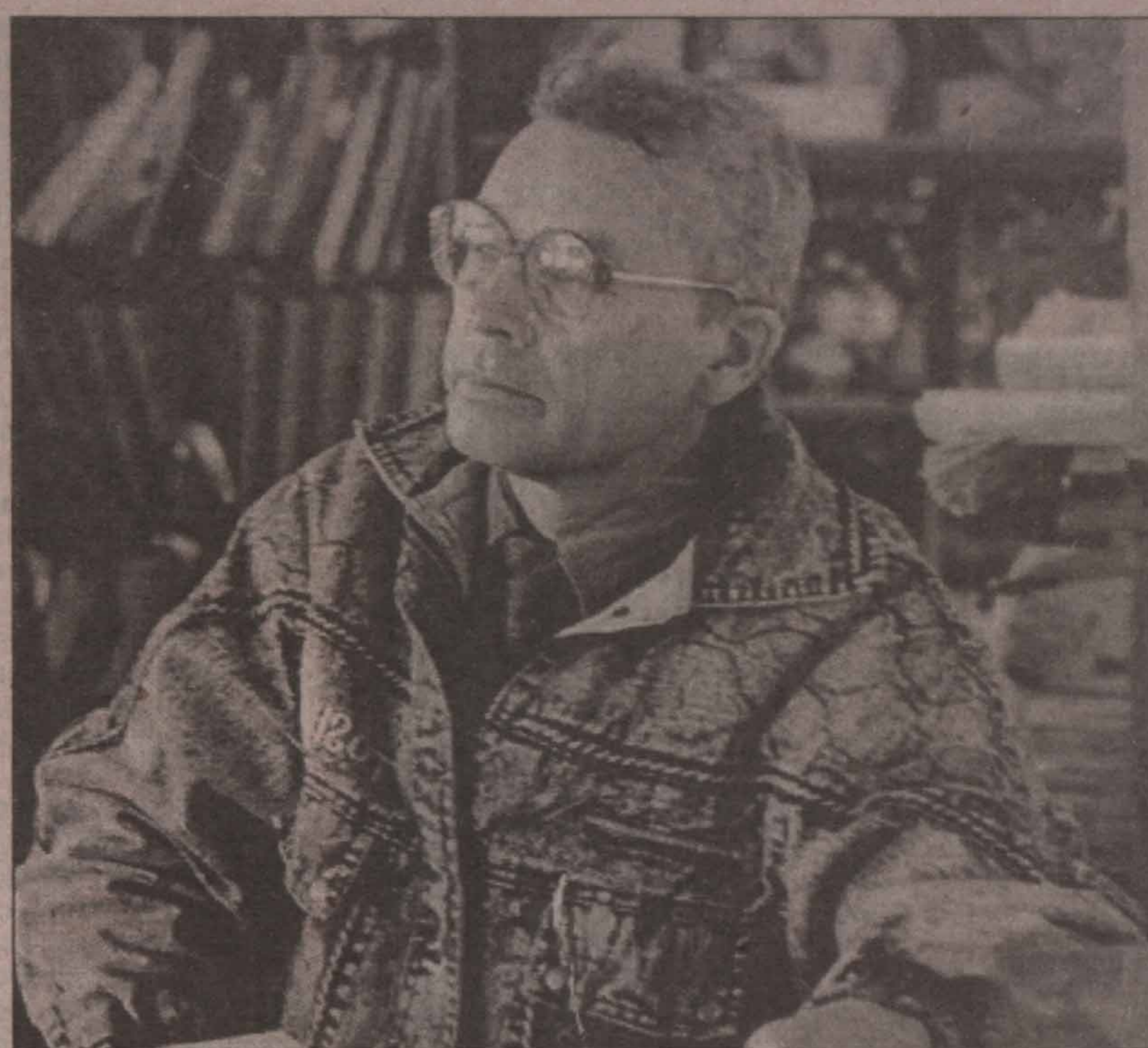
Горячо любящая свою отчизну, поэтесса с горечью пишет о судьбе России: "Русь плакучая, родина, горе. По своей несурзной судьбе мы несем беспросветную горечь безответной любви к тебе...". Она пишет о трагедии всего человечества: "Полчеловечества сквозь вечность друг другу движутся навстречу, все безнадежной расходясь..."

Как же устоять "в метели звездной на вселенском сквозняке"? И бьется душа в поисках выхода. Бог? Вера?

Умирает старая душа.
В ней, как будто в треснувшем
кувшине,
невозможно веру удерживать
в то, что боль пройдет
и горе минет.
Черен мир. Печален человек.
Смысла нет. Все цели
равноценны.

Но летит, летит белейший снег,
пеленая боль во всей вселенной,
обнимая мир за пядью пядь,
раненую землю укрывая.
И душа рождается опять
молодая, робкая, живая.

Так на дорогах Света и Тьмы Светлана обретает веру в победу Добра. Вот центр ее поэтической вселенной - душа! "Черен день прожитый без души". Поэт верит: "О душу зажигается душа...", "и кто бы сколько нас ни предавал, и что душе обида ни пророчит, - найдутся люди, същутся слова, что одолеют стены одиночества...", "мы - частицы одной души. Непременно мы будем вместе". Верит в это амурская поэтесса, и мы - любящие читатели - верим вслед за нею в чистоту ее душевных помыслов и благодарны ей за эту веру.

Станиславу ДЕМИДОВУ - 60

РОССИЯ

Я переполнен, болен Русью,
Мне дорог свет ее берез.
Я на нее с мольбой и грустью
Гляжу и не скрываю слез.
Многострадальная Россия,
Ты вся в разрухе и борьбе.
За что же муки неземные
На долю выпали тебе?
В чем ты, родная, согрешила,
Чем ты прогневала Творца?
Не тем ли, что давно решила
За счастье биться до конца,
Стать человечеству примером
Страны, свободной от оков,
А может тем, что в Бога веру
Ты подрывала до основ?
А может просто бес попутал
В лукавстве дьявольском своем,
Чтоб знала прошлое ты смутно,
Жила сегодняшним лишь днем;
Чтоб ты былую мощь забыла,
Чтоб свой утратила язык
И чужестранцам раздала
Запас богатств, что был велик?
Пусть попораны твои святыни -
Не покоряешься судьбе.
За что ж такие муки ныне
На долю выпали тебе?
Не знаю, но твои мученья
С тобой испытываю я.
И все же верю в возрожденье,
В Россию завтрашнего дня.

Не верь, не проси и не бойся,
Не бойся, не верь, не проси -
Такие тюремные свойства
Теперь прививают Руси.
Мы верим. Да, можно
лишь верить
В Россию, в великий народ.
И дверь закрываем мы зверю,
Который по трупам идет.
Мы просим любви, милосердия,
Взываем отвагу хранить,
Чиновничье злое усердие
На веки веков схоронить,
И все мы, конечно, боимся
Бездущья, заразы его,
Но веры своей не стыдимся:
Россия дороже всего.

Расскажут священные
Предков гробы:
Не трусы мы, русские,
И не рабы.

ИЗ ЗАПИСНОЙ КНИЖКИ

Твори по зову яви и мечты,
Будь Мастером в минуты
вдохновенья.
Пусть твои строки, в сущности,
просты,
Пробудят в людях добрые
стремленья.
В часах песочных горсточка
песку,
На доньшке осталось
так немного.
Все ж, одолев усталость
и тоску,
В честь Вас свечу поставлю
у порога.
Пускай она, неяркая, горит,
Пусть в трудный час
Всегда Вам в жизни светит,
Пусть Ваша боль во мне
переболит,
Чтоб только легче Вам жилось
на свете.
...Но убывает горсточка песку.

Я на прощанье помашу рукою
Родным полям, березам
над рекою
И попрошу Творца, собравшись
с силой:
"Пусть будем мирным небо
над Россией..."

Наш
юбилей

1 декабря исполнилось 60 лет поэту, переводчику и журналисту Станиславу Матвеевичу Демидову. Родился он в 1938 году в селе Норск Селемджинского района Амурской области. Закончил историко-филологический факультет БГПИ и еще отделение журналистики Новосибирской ВПШ.

С 1961 года работает в облтелерадиокомитете (ныне ГТРК "Амур"). Как журналист в основном освещал вопросы развития амурской культуры.

С 1957 года стихи С. Демидова публикуются в областной печати, сибирских и дальневосточных газетах, журнале "Дальний Восток", сборниках "Приамурье", "Березовые окна", "Стыковка" и других, в антологии "Дальний Восток в поэзии современников", звучат по радио и телевидению.

В 1992 году вышел сборник С. Демидова "Голоса друзей" (вольные переводы китайских поэтов). За эту книгу он удостоен звания лауреата премии имени Г. А. Федосеева.

Сейчас С. Демидовым подготовлен к печати сборник избранных стихотворений и переводов "Под пеплом искра золотая..." и он приглашает меценатов принять участие в выпуске этой книги.

Предлагаем вниманию читателей несколько новых стихотворений юбилера.